

УДК 801.311

к. філол. н., доцент Ляпичева О. Л.

Придніпровська державна академія будівництва та архітектури, Україна,
викладач Голяк В. І.

Придніпровська державна академія будівництва та архітектури, Україна
**МОВНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ПРОСТОРУ В ПОЕМІ М. В. ГОГОЛЯ
«МЕРТВІ ДУШІ»**

e-mail: yelena2003@mail.pgasa.dp.ua, mob.: +3 8097-591-3463;

ORSID ID <https://orcid.org/0000-0001-7250-1929>

e-mail: holiak.viktoria@pgasa.dp.ua, mob.: +3 8067-915-2711

ORSID ID <https://orcid.org/0000-0002-3151-19134>

к. філол. н., доцент Ляпичева Е. Л.

Приднепровская государственная академия строительства и архитектуры,
Украина,

преподаватель Голяк В. И.

Приднепровская государственная академия строительства и архитектуры,
Украина

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА
В ПОЭМЕ Н.В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»**

e-mail: yelena2003@mail.pgasa.dp.ua, mob.: +3 8097-591-3463;

ORSID ID <https://orcid.org/0000-0001-7250-1929>

e-mail: holiak.viktoria@pgasa.dp.ua, mob.: +3 8067-915-2711

ORSID ID <https://orcid.org/0000-0002-3151-19134>

Candidate of Science (Philology), professor Liapicheva Yelena
PSACEA, Ukraine,

e-mail: yelena2003@mail.pgasa.dp.ua, mob.: +3 8097-591-3463;

ORSID ID <https://orcid.org/0000-0001-7250-1929>

Lecturer Holiak Viktoriia

PSACEA, Ukraine,

e-mail: lorendnepr@gmail.com, mob.: +3 80974056748

ORSID ID <https://orcid.org/0000-0002-2568-3827>

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения индивидуального стиля Гоголя в изображении пространства как отражения русской ментальности.

Цель статьи заключается в разделении специфики изображения пространства на формальную и содержательную стороны, в выявлении доминирующих содержательных аспектов пространства и языковых средств их изображения.

Объектом анализа в статье являются описания пространства в трёх отрывках поэмы. Предметом описания стали различное наполнение пространства объектами и тропы и фигуры речи, участвующие в его описании.

В статье рассматриваются особенности индивидуального стиля Гоголя в описании пространства и языковых средствах его выражения.

К содержательным аспектам описания пространства у Гоголя относятся: 1) упоминание далёкого и близкого пространства, столицы и провинции; 2) описание рельефа, дома помещика, структуры его усадьбы, бревенчатых изб крестьян и т.д.; 3) образ пространства создаётся с помощью описания плохого состояния русских дорог, с помощью ночного описания двора Коробочки, позволяющего сделать вывод о плохом сообщении между деревнями, о плохом оснащении дорог. В описаниях пространства ощутима негативная оценка изображаемого, вытекающая из описания деталей дворянского имени, действий возницы и организации жизни в дворянской усадьбе. Описание пространства часто является отправной точкой для размышлений об образе жизни русских от простых людей до дворян, об их ментальности.

К языковым средствам выражения пространства относятся детализация, введение более широкого фона для описания пространства, упоминание цифр, плеоназм, оксюморон, атрибутизация, нестандартная метафора, нестандартное сравнение, акциональность, преобразование наклонения.

Результаты данного исследования могут быть использованы при изучении лингвокультурологии, риторики, стилистики.

Ключевые слова: пространство, средства языковой изобразительности, детализация, атрибутизация, нестандартные тропы.

Актуальність дослідження обумовлена необхідністю вивчення індивідуального стилю Гоголя в зображенні простору як відображення російської ментальності.

Мета статті полягає в поділі специфіки зображення простору на формальну та змістовну сторони, у виявленні домінуючих змістових аспектів простору і мовних засобів їх зображення.

Об'єктом аналізу в статті є описи простору в трьох уривках поеми. Предметом опису стали різні наповнення простору об'єктами і тропи та фігури мовлення, які беруть участь в його описі.

У статті розглядаються особливості індивідуального стилю Гоголя в описі простору і мовних засобах його вираження.

До змістовним аспектам опису простору у Гоголя відносяться: 1) згадка далекого і близького простору, столиці і провінції; 2) опис рельєфу, будинки поміщика, структури його садиби, дерев'яних хат селян та ін.; 3) образ простору створюється за допомогою опису поганого стану російських доріг та за допомогою нічного опису двору Коробочки, що дозволяє зробити висновок про погане сполучення між селами, про погане оснащення доріг. В описах простору відчутна негативна оцінка зображуваного, що впливає з опису деталей дворянського маєтку, дій візника і організації життя в дворянській садибі. Опис простору часто є відправною точкою для роздумів про спосіб життя росіян від простих людей до дворян, про їх ментальності.

До мовних засобів вираження простору відносяться деталізація, введення більш широкого фону для опису простору, згадка цифр, плеоназм, оксюморон, атрибутизація, нестандартна метафора, нестандартне порівняння, акціональність, перетворення способу дії.

Результати даного дослідження можуть бути використані при вивченні лингвокультурології, риторики, стилістики.

Ключові слова: простір, засоби мовної образотворчості, деталізація, атрибутизація, нестандартні тропи.

The relevance of the research is due to the need to study Gogol's individual style in the image of space as a reflection of the Russian mentality.

The purpose of the article is to separate the specifics of the image of space on the formal and content sides, to identify the dominant content aspects of space and the linguistic means of their representation.

The object of analysis in the article is the description of space in three passages of the poem. The subject of the description was the various filling of space with objects and the tropes and figures of speech involved in its description.

The article discusses the features of Gogol's individual style in the description of space and the linguistic means of its expression.

The content aspects of the description of space by Gogol include: 1) the mention of distant and near space, the capital and the province; 2) a description of the relief, the landowner's house, the structure of his estate, the log huts of peasants, etc .; 3) the image of space is created by describing the poor condition of Russian roads, by using the nightly description of the Korobochka's courtyard, which allows us to conclude that there are poor communication between the villages and poor equipment of the roads. In the descriptions of the space a negative assessment of the depicted things, arising from the description of the details of the noble estate, the actions of the charioteer and the organization of life in the noble estate, is perceptible. The description of space is often the starting point for thinking about the lifestyle of Russians from ordinary people to nobles, about their mentality.

Linguistic means of expressing space include detailing, introducing a wider background for describing space, mentioning numbers, pleonasm, oxymoron, attribution, non-standard metaphor, non-standard comparison, using of verbs, transformation of mood..

Of the special language tools, Gogol uses a metaphor (only one log was watched everywhere) and comparisons (the day was either not clear, or gloomy, but some kind of light gray color, which happens only on the old uniforms of garrison soldiers, this, however, peaceful army but partly drunk on Sundays). Gogol's metaphor is unusual because it transfers a person's property to an object (at first glance, this is a metaphor), however, the basis of the transfer is the adjacency of the beholder and the object of action (in fact, the log cannot look, it is adjacent to the subject of the action). The comparison used by Gogol is non-standard, since it is unusual to compare the colors of the sky and the uniforms of soldiers.

The results of this research can be used in the study of language and culture science, rhetoric, and stylistics.

Keywords: *space, means of language visualization, detailing, attribution, non-standard tropes.*

Словесные средства изобразительности – актуальный объект исследования в лингвистике. Изучением роли лексических средств в художественном тексте занимались различные учёные в рамках стилистики, риторики [1; 2; 4; 7; 9; 10], теории коммуникации. Лексические средства в художественном тексте – это прежде всего образные средства. Слова, получающие образное значение, в художественном контексте в какой-то степени теряют свою номинативную функцию и приобретают яркую экспрессивную окраску. Классификация языковых средств восходит к античным риторикам. К наиболее важным средствам языковой изобразительности относятся как специальные (метафора, олицетворение, метонимия, сравнение, гиперболы, литота, перифраза), так и неспециальные (атрибутизация, детализация описаний, использование синонимов, омонимов и др.). Актуальность исследования обусловлена также необходимостью изучения

индивидуального стиля Гоголя в изображении пространства как отражения русской ментальности.

Символы пространства подверглась анализу в работе М.А. Новиковой и И.Н. Шамы [8], Ю. Манна [6]. Однако использование всех языковых средств выражения в поэме Н.В. Гоголя ещё не было проведено, в то время как эта поэма представляет для этого богатый материал. Кроме того, в нашей работе мы анализируем не только концепты пространства ВЕРХ, НИЗ, НАЛЕВО, НАПРАВО, но и слова, называющие то, чем пространство заполнено (дорога, холм, берёзы, пруд, грязь и др.).

Цель нашей работы – изучить средства выражения пространства в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души». Она реализуется в выполнении следующих задач:

1. Выделить в описании пространства содержательный и формальный аспекты.
2. Выявить специфические для Н.В. Гоголя типы содержания в описании пространства.
3. Определить виды формальных средств изображения пространства у Н.В. Гоголя.

Объектом анализа в статье являются описания пространства в трёх отрывках поэмы Гоголя «Мёртвые души»: начальный отрывок поэмы, отрывок с описанием Маниловки, отрывок «В гости к Коробочке». Предметом описания стали различные наполнение пространства объектами и тропы и фигуры речи, участвующие в его описании.

Рассмотрим, какими языковыми средствами создаётся образ пространства в начальном отрывке поэмы. Дадим этот отрывок (словесное выражение пространства выделено полужирным шрифтом):

*В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – словом, все те, которых называют господами средней руки. В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод. **Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем.** «Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! **что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?**» – «Доедет», – отвечал другой. «**А в Казань-то, я думаю, не доедет?**» – «**В Казань не доедет**», – отвечал другой. Этим разговор и кончился. Да еще, когда бричка подъехала к гостинице, встретился **молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульской***

булавкою с бронзовым пистолетом. Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой.

Языковые средства описания пространства выделены в тексте жирным шрифтом. К ним здесь относятся детализация (*губернского города NN; два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы; молодой человек ... во фраке с покушеньями на моду; въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума;*) и введение более широкого фона для восприятия событий поэмы (*... что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет»*). Данные языковые средства не являются образными, они описывают детали пространства, формирующие его образ: события романа разворачиваются в тихом губернском городе, где мало людей. Упоминание Москвы и Казани задаёт повествованию широкий фон – это может быть вся Россия.

Рассмотрим средства изображения пространства в отрывке с описанием Маниловки. Прочтём этот отрывок:

Поехали отыскивать Маниловку. Проехавши две версты, встретили поворот на проселочную дорогу, но уже и две, и три, и четыре версты, кажется, сделали, а каменного дома в два этажа все еще не было видно. Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать. Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, какие только вздумается подуть; покатошь горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном. На ней были разбросаны по английски две три клумбы с кустами сирени и желтых акаций; пять шесть берез небольшими купами кое где возносили свои мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: «Храм уединенного размышления»; пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в англицких садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения, и частью по самому скату, темнели вдоль и поперек серенькие бревенчатые избы, которые герой наш, неизвестно по каким причинам, в ту же минуту принялся считать и насчитал более двухсот; нигде между ними растущего дерева или какойнибудь зелени; везде глядело только одно бревно. Вид оживляли две бабы, которые, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, где видны были два запутавшиеся рака и блестя попавшаяся плотва; бабы, казались, были между собою в ссоре и за что то перебранивались. Поодаль в стороне темнел каким то скучно синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого то светло серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням. Для пополнения картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на то что голова продолблена была до самого мозга носами других петухов по известным делам волокитства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рогожки. Подъезжая ко двору, Чичиков заметил на крыльце самого хозяина, который стоял в зеленом шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы

рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

Слова, фразы и группы фраз, описывающих пространство, выделены в тексте. В данном отрывке обращает на себя внимание упоминание цифр, указывающих на количество вёрст. Это погружает читателя в обстановку деревенской местности и подготавливает к описанию деревни. У Маниловки не очень хорошее местоположение: Гоголь даже использует плеоназм (повтор одного корня в рядом стоящих словах) и оксюморон (соединение несовместимых понятий), давая ей оценку: *Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением.* Образ пространства создаётся здесь с помощью описания рельефа, дома помещика, структуры его усадьбы (клумба, кусты сиреней и акаций, пять-шесть берёз, беседка, пруд), бревенчатых изб крестьян; двух баб, тянущих бредень; соснового леса, неясного дня и самого помещика. Ощутимым в данном описании является негативная оценка изображаемого:

1. *Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть...*

2. *... пять шесть берез небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины...*

3. *... нигде между ними (деревенскими избами) растущего деревца или какой-нибудь зелени; везде глядело только одно бревно.*

4. *... две бабы, которые ... брели по колени в пруде, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, где видны были два запутавшиеся рака и блестела поповашаяся плотва...*

5. *Поодаль в стороне темнел каким-то скучно синеватым цветом сосновый лес.*

6. *Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням.*

Мы видим, что в данном отрывке доминируют детализация (дом господский, на юру; пять шесть берез, одно бревно; две бабы, которые ... брели по колени в пруде; два запутавшиеся рака, плотва, сосновый лес, погода) и атрибутизация описания (использование прилагательных: на возвышении, открытом всем ветрам, какие только вздумается подуть; мелколистные жиденькие вершины; влача за два деревянные кляча изорванный бредень; скучно

синеватым цветом; день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням), используется сравнение при описании неба, причём со сниженной оценочностью. Из специальных языковых средств Гоголь использует метафору (*езде глядело только одно бревно*) и сравнения (*день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням*). Метафора Гоголя необычна, потому что переносит свойство человека на предмет (на первый взгляд, это метафора), однако основание переноса – смежность смотрящего и объекта действия (на самом деле бревно не может смотреть, оно смежно с субъектом действия). Сравнение, используемое Гоголем, нестандартное, так как в нём необычно сопоставление цвета неба и мундиров солдат.

Не менее интересны средства языковой изобразительности в отрывке «В гости к Коробочке». Рассмотрим этот отрывок:

*Между тем Чичиков стал примечать, что бричка качалась на все стороны и наделяла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили с **дороги** и, вероятно, тащились по **взбороненному полю**. Селифан, казалось, сам смекнул, но не говорил ни слова.*

– *Что, мошенник, по какой дороге ты едешь?* – сказал Чичиков.

– *Да что ж, барин, делать, время то такое; кнута не видишь, такая потьма!* – Сказавши это, он так **покосил бричку**, что Чичиков принужден был держаться обеими руками. Тут только заметил он, что Селифан подгулял.

– *Держи, держи, **опрокинешь!*** – кричал он ему.

– *Нет, барин, как можно, чтоб я **опрокинул**,* – говорил Селифан. – *Это нехорошо **опрокинуть**, я уж сам знаю; уж я никак не **опрокину**.* – Затем начал он слегка **поворачивать бричку, поворачивал, поворачивал и наконец выворотил ее совершенно набок**. Чичиков и руками и ногами илепнулся в **грязь**. Селифан лошадей, однако ж, остановил, впрочем, они остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвиденный случай совершенно изумил его. Слезши с козел, он стал перед бричкою, подперся в бока обеими руками, в то время как барин **барахтался в грязи**, сился оттуда вылезть, и сказал после некоторого размышления: «Вишь ты, и **перекинулась!**»

– *Ты пьян как сапожник!* – сказал Чичиков.

– *Нет, барин, как можно, чтоб я был пьян! Я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным. С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, в том нет худого; и закусили вместе. Закуска не обидное дело; с хорошим человеком можно закусить.*

– *А что я тебе сказал последний раз, когда ты напился? а? забыл?* – сказал Чичиков.

– *Нет, ваше благородие, как можно, чтобы я позабыл. Я уже дело свое знаю. Я знаю, что нехорошо быть пьяным. С хорошим человеком поговорил, потому что...*

– *Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать, как говорить с хорошим человеком!*

– Как милости вашей будет угодно, – отвечал на все согласный Селифан, – коли высечь, то и высечь; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посесть, коли за дело, на то воля господская. Оно нужно посесть, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки; почему ж не посесть?

На такое рассуждение барин совершенно не нашелся, что отвечать. Но в это время, казалось, как будто сама судьба решила над ним сжалиться. **Издали послышался собачий лай.** Обрадованный Чичиков дал приказание погонять лошадей. **Русский возница** имеет доброе чутье вместо глаз; от этого случается, что он, **зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает.** Селифан, не видя ни зги, **направил лошадей так прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударила оглоблями в забор** и когда решительно уже **некуда было ехать.** Чичиков только заметил сквозь густое покрывало лившего дождя что то похожее **на крышу.** Он послал Селифана отыскивать **ворота,** что, без сомнения, продолжалось бы долго, **если бы на Руси не было вместо швейцаров лихих собак, которые доложили о нем так звонко, что он поднес пальцы к ушам своим.** Свет мелькнул в одном окошке и достигнул туманною струею до забора, указавши нашим дорожным ворота. Селифан принялся стучать, и скоро, отворив **калитку,** высунулась какая-то фигура, покрытая армяком, и барин со слугою услышали хриплый бабий голос...

Образ пространства создаётся здесь с помощью описания плохого состояния русских дорог (они своротили с дороги и, вероятно, тащились по **взбороненному полю**), являющихся причиной развития интуиции (**Русский возница имеет доброе чутье вместо глаз; от этого случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает;** Селифан, не видя ни зги, **направил лошадей так прямо на деревню**) и усиления недостатков русских возниц, часто пьющих (**покосил бричку; поворачивал, поворачивал и наконец выворотил ее совершенно набок; барин барахтался в грязи; «Вишь ты, и перекинулась!»; Ты пьян как сапожник! – сказал Чичиков**); а также с помощью ночного описания двора Коробочки, позволяющего сделать вывод о плохом сообщении между деревнями, о плохом оснащении дорог (**Издали послышался собачий лай; ... если бы на Руси не было вместо швейцаров лихих собак, которые доложили о нем так звонко, что он поднес пальцы к ушам своим; Свет мелькнул в одном окошке и достигнул туманною струею до забора;** детали: **забор, крыша, ворота, калитка**).

В данном отрывке также ощутима негативная оценка изображаемого (дорог, пьянства возницы и организации дворянского быта), вытекающая из описания деталей пространства (**забор, крыша, ворота, калитка**), действий возницы (**зажмуря глаза, ...куда-нибудь да приезжает; поворачивал и наконец выворотил ее совершенно набок**) и организации жизни в дворянской усадьбе (**... если бы на Руси не было вместо швейцаров лихих собак**). Интересно, что в анализируемом эпизоде описание пространства является отправной

точкой для размышлений об образе жизни русских от простых людей до дворян, об их ментальности.

Таим образом, мы видим, что в данном отрывке доминируют детализация (11 примеров) и акциональность (использование глаголов) описания (11 примеров), используется грамматический троп – преобразование наклонения (используется условное наклонение с отрицанием, но имеется в виду изъявительное наклонение: никто в описываемой ситуации долго не ждал): *Он послал Селифана отыскивать ворота, что, без сомнения, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было вместо швейцаров лихих собак, которые доложили о нем так звонко, что он поднес пальцы к ушам своим.*

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Анализ отрывков, описывающих пространство, позволяет нам выделить в нём содержательную и формальную стороны. К содержательной стороне мы относим объекты, наполняющие пространство или каким-либо образом его характеризующие, а также смыслы, вытекающие из описания пространства. К формальной стороне мы относим языковые средства описания пространства.

2. Формальными средствами выражения пространства в начальном отрывке поэмы являются детализация и введение более широкого фона для восприятия событий поэмы.

В отрывке с описанием Маниловки средствами выражения пространства являются упоминание цифр, указывающих на количество вёрст; плеоназм и оксюморон, детализация с негативной оценкой изображаемого, атрибутизация, нестандартная метафора и нестандартное сравнение со сниженной оценочностью.

В третьем отрывке доминируют детализация и акциональность, используется грамматический троп – преобразование наклонения.

3. К содержательной стороне описания пространства в анализируемых отрывках мы относим следующие смыслы:

1) события романа разворачиваются в тихом губернском городе, где мало людей. Упоминание Москвы и Казани задаёт повествованию широкий фон – это может быть вся Россия;

2) упоминание цифр, указывающих на количество вёрст, во втором отрывке погружает читателя в обстановку деревенской местности и подготавливает к описанию деревни. Гоголь иронизирует над местоположением Маниловки. Образ пространства

создаётся здесь с помощью описания рельефа, дома помещика, структуры его усадьбы (клумба, кусты сиреней и акаций, пять-шесть берёз, беседка, пруд), бревенчатых изб крестьян; двух баб, тянущих бредень; соснового леса, неясного дня и самого помещика;

3) образ пространства в третьем отрывке создаётся с помощью описания плохого состояния русских дорог, являющихся причиной развития интуиции и усиления недостатков русских возниц, часто пьющих; а также с помощью ночного описания двора Коробочки, позволяющего сделать вывод о плохом сообщении между деревнями, о плохом оснащении дорог. В данном отрывке также ощутима негативная оценка изображаемого (дорог, пьянства возницы и организации дворянского быта), вытекающая из описания деталей дворянского имения, действий возницы и организации жизни в дворянской усадьбе. Интересно, что в анализируемом эпизоде описание пространства является отправной точкой для размышлений об образе жизни русских от простых людей до дворян, об их ментальности.

Перспективы изучения языковых средств выражения пространства заключаются в выявлении индивидуального стиля Н. В. Гоголя, в определении трансформаций привычных тропов и фигур речи в творчестве писателя, в сопоставлении средств выражения пространства разных писателей, в определении специфики русского восприятия пространства.

Бібліографія

1. Абрамович С. Д., Чікарська М. Ю. Риторика. – Львів: Світ, 2001. – 240 с.
2. Александров Д. Н. Риторика. Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 534 с.
3. Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 1998. – 480 с.
4. Клюев Е.В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция. Учеб. пособие для вузов. М.: Приор, 1999. – 272 с.
5. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. – Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. (Труды по русской и славянской филологии, т. 11), вып. 209, 1968.
6. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя, 2-е изд., доп. – М.: Худож. лит., 1988. – 413 с.
7. Мацько Л.І., Майцько О.М. Риторика: Навч. Посібник. – К.: Вища школа, 2003. – 311 с.
8. Новикова М.А., Шама И.Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и их английских переводов): учеб. пособие / М.А.Новикова, И.Н. Шама; Мин-во образования Украины, Институт содержания и методов обучения, Запорожский, гос. ун-т, Симферопольский гос. ун-т. – Запорожье: СП «Верже», 1996. – 172 с.
9. Сагач Г. Риторика. – К.: Видавничий дім «Ін Юре», 2000. – 568 с.

10. Хазагеров Т.Г. , Ширина Л.С. Общая риторика. Курс лекций. Словарь риторических приёмов. 2-е изд., Р. на/Д.: Феникс, 1999. – 320 с.